

Подкову на гербе **Пыталовского района** придумали латыши. Но они имели в виду не осла

Псковские Курилы

Если бы Латвия получила не «мертвого осла уши», а Пыталовский район, то ей бы пришлось расписываться в получении 14 800 душ, из них 7600 проживают в самом Пыталове. Несмотря на столь малочисленное население, Пыталово называется городом. За это надо сказать спасибо латышам: статус города они присвоили Пыталову в 1933 году, а советская власть отнимать его поленилась. Трудоспособными на территории района являются всего 4300 человек, Пыталовский район давно и прочно занимает в Псковской области второе место по безработице. Большинство жителей — русские. Латышами во время последней переписи себя назвали всего 76 человек, и те родным языком не владеют.

Кроме того, при возвращении Абрэнской волости Латвии пришлось бы расписываться в получении 317 населенных пунктов, 3 церквей, 11 полудомовых колхозов, 10 фермерских хозяйств и одного интерната для глухонемых детей. Соединяют все эти объекты 288 километров дорог, которые незаслужено называются дорогами с твердым покрытием. Единственные приобретения, которые согрели бы душу латвийским властям, — это 1111 квадратных километров земли, 15 процентов которой занято лесами, две речки — Лжа и Утроя, хлебозавод производительностью 110 тонн в месяц, железнодорожный вокзал, построенный в стиле «поздний прибалтийский модерн», и несколько десятков магазинов, самый заметный из которых стоит как раз напротив вокзала, называется «Voitiques» и никогда не открывается.

— Нас кормит граница, — рассказывает глава Пыталовского района Дмитрий Андреев. — Основная часть населения работает в пограничных структурах. Если это будет территория Латвии, то русские не смогут участвовать в ее охране, потому что по латвийским законам не имеют права занимать государственные должности. И тогда наш район вообще рухнет. Но мы всерьез эту тему даже обсуждать не хотим. Президент предельно ясно объяснил позицию России в этом вопросе.

Лицо Дмитрия Андреева может показаться знакомым тем, кого в детстве водили на ВДНХ. Там в павильоне «Сельское хозяйство» до сих пор с советских времен висит его портрет в галерее ударников труда. До 1997 года он возглавлял совхоз «Белорусский», который гремел далеко за пределами Псковской области.

— Я много общаюсь со своими коллегами в Латвии, — продолжает Андреев, — главами местных администраций. Они относятся ко всей этой истории с Абрэнской волостью так же иронично, как и мы. Они считают так: это политическое шоу, цель которого — отвлечь латвийский народ от последствий вступления в Евросоюз. За последний год цены в Латвии выросли в 2—3 раза. Люди страшно недолюбливают. И если бы не скандалы с русскими школами, 9 мая, а теперь еще и с Абрэнской волостью, то они могли бы выразить свое недовольство в нежелательных для властей формах.

«Музей оккупации мы решили не заводить»

«В Латвии национальная катастрофа. Вайра Вике-Фрейберга объявила России войну за Абрэнскую волость. 150 миллионов русских приехали в Ригу сдаваться». Это самый популярный в Пыталове политический анекдот. Его мне рассказала Лариса Перепечкина, директор городского Музея дружбы народов. Когда в начале 90-х в Риге Музей латвийских стрелков переименовали в Музей оккупации, в Пыталове некоторые предлагали выступить с ответным жестом и переименовать местный музей, подразумеывая под оккупацией период латвийского правления. Но их голоса не были услышаны.

— Мы не считаем, что с 1920 по 1940 год, когда здесь были латыши, местные русские пережили какие-то особые бедствия, — объяснила мне свою позицию Лариса. — Это было нормальное, спокойное время. В то же время мы не согласны с тем, что Пыталово — исторически латвийская территория. Этот район, населенный почти исключительно русскими, оказался в границах Латвии по условиям Рижского мирного договора. Пыталово представляло интерес для латышей исключительно из-за крупного железнодорожного узла, расположенного на его территории. А большевики пошли на эту уступку, чтобы получить передышку на Северо-Западном фронте. В 40-м году Латвия добровольно вошла в состав СССР, потом была немецкая оккупация, а в 44-м, после освобождения от фашистов, наш район снова вошел в состав РСФСР. Так что 20 лет вне России — это случайный эпизод в бурной жизни XX века, который не дает Латвии исторического права на территорию Пыталовского района. В то же время, в отличие от латышей, которые называют сегодня русских оккупантами, мы не можем сказать, что под Латвией русские здесь чувствовали себя как на оккупированной территории.

— А вот на стенде нашем написано: «1920—1940. Буржуазия у власти. Годы борьбы».

— Это осталось с советских времен. На самом деле в те времена дискриминации русских здесь не было. В Пыталове действовала русская гимназия, раз в четыре

года проводились Дни Пушкина, посвященные русской культуре, а самым большим собирателем и исследователем русского фольклора был латыш Янис Фридрих. Да вот, посмотрите на эти два экспоната: русская изба и латгальская изба. Никакой разницы.

— По-моему, латгальская изба побогаче.

— Просто в качестве латгальской представлена изба зажиточного крестьянина, а в качестве русской — обычная. Другой не нашлось. А в действительности русские и латыши в Абрэнской волости жили примерно одинаково. Только в 1936-м ситуация изменилась. Русская школа была закрыта в связи с тем, что в ней среди учащихся стали преобладать нежелательные по отношению к латвийской власти настроения. Но такие же настроения тогда начинали распространяться не только в Юнлатгале, но и в других частях Пыталовского района. Революционное брожение охватило в те годы многие территории Латвии.

— А это, по-моему, Василий Кононов в молодости. Партизан, которого латыши недавно судили за убийство мирных жителей.

— Он самый. Он же в нашем районе родился. А партизанил на территории нынешней Латвии. Пускал под откос поезда. Как раз те самые, которые мимо нашей станции проходили. А вот Валентин Черных. Знаменитый сценарист, автор фильмов «Москва слезам не верит», «Любить по-русски», «Свои». Также наш земляк. Представляете, сколько пришлось бы интересного убрать из экспозиции, если бы мы стали Музеем оккупации.

Лариса Перепечкина — девушка молодая. Жизнь при латышах знает только по документам. Зато эту жизнь хорошо помнит пыталовский старожил Алексей Платонов.

— Сначала нас включили в состав Лутинского уезда, — вспоминает Алексей Васильевич. — Потом Пыталов назвали Юнлатгале и сделали центром самостоятельной административной единицы. И лишь в 1938 году наш город получил название Абрэне. Я

Ослы в Пыталове никогда не было — ни мертвых, ни живых. Зато были лошади и аисты. Аисты любят болота, там много лягушек

родился еще при латышах. Вступление Латвии в СССР я помню очень хорошо. Я тогда как раз получил серьезную травму, катаясь на велосипеде, и лежал в больнице. При латышах все было платным. У моих родителей как раз деньги закончились, и меня должны были выгнать из больницы. Но тут пришла советская власть, все стало бесплатным, и меня долечили. Зато потом, в начале 1941 года, стали проводить коллективизацию. Мой отец сначала вступил в колхоз, но потом понял, что это обман, и вышел из него. И тут как раз пришли немцы. Если бы не война, пришлось бы нам увидеть Сибирь.

У жены Платонова, Евгении Николаевны, сохранились латвийские документы того времени: биометрические паспорта отца и матери с отпечатками пальцев и полноценным гражданством. А также собственные школьные аттестаты. Из всего, что в них написано, понятны только оценки.

— Училась я на одни пятерки, — вспоминает Евгения Николаевна. — До 4-го класса учиться было легко, а потом школу перевели на латвийский язык. Нам новых учителей прислали. Помню, приходим мы на занятия и не знаем, как учиться. Мы по-латышски не понимаем, а учителя по-русски. Тогда же все чиновники стали требовать, чтобы к ним обращались только на латвийском. И письменно, и устно. Я с тех пор латышей не очень люблю.

«Подумаешь, пытали. Чай, не концлагерь»

В новейшей истории России Пыталовский район стал объектом столь же пристального внимания высшей власти лишь однажды. Это было в конце 80-х, когда Горбачев затеял масштабную кампанию по насаждению в СССР фермерства. Тогда своим критиком он привел в пример как раз хозяйства Пыталовского района. Фамилии местных фермеров Божановых, Волоцких, Барбаровых, Видус гремели на всю страну.

— Это произошло, скажем прямо, не потому, что пыталовские фермеры были

на две головы выше других, — рассказывает местный краевед Николай Цветков. — Просто тогдашним президентом ВАСХНИЛ был наш земляк академик Александр Никонов. А с ним поддерживал контакт тогдашний глава района — он потом спился и умер.

Фермерское хозяйство Владимира Савельевича Видуса — одно из немногих в районе, которое еще можно назвать фермерским. Он с женой и сыном обрабатывает 50 гектаров земли, в коровнике 90 голов крупного рогатого скота, в гараже 3 трактора. Но о том, какой доход приносит это Видусам, красноречиво говорит их старый, покосившийся дом.

— Все доходы съедают горючка и запчастки, — вздыхает жена Видуса Раиса Николаевна. — Молоко принимают по 4 рубля за литр, занижают сортность. Удобрения стоят дороже зерна, так что зерновые мы уже давно не сажаем, только картошку и корма. А когда мы в 89-м году начали, было повеселее. Государство помогало — правда, делало это бестолково. Тогда любой, кто называл себя фермером, получал ссуду. У нас в районе из 100 таких фермеров всерьез занялись сельским хозяйством только человек 15. Из этих хозяйств большинство теперь перешло в разряд приусадебных. Только мы вот еще как-то бутыхаемся. И все больше задумываемся, что, наверное, тогда, 15 лет назад, неправильный выбор сделали. Надо было чем-то другим заняться.

— А в Латвии с этим дело как?

— В Латвии еще хуже, — отвечает Владимир Савельевич. — У нас там родственники. Когда они сюда приезжают, говорят, что здесь условия просто райские по сравнению с тем, как у них. Там государство точно так же не помогает, только при этом еще бензин стоит в 2 раза дороже. Они его отсюда контрабандой возят. В бензобаках. Здесь заправляются, а там сливают. За день раз 10 туда-сюда съездили — можно и поле вспахать. Вы видели, сколько у нас здесь бензин стоит? Как в центре Москвы. Это именно из-за контрабандистов. Очереди из машин на заправках стоят, и все с латвийскими номерами. В общем, я в Латвию не хочу.

Краевед Николай Цветков решил свозить нас на то самое место, которое латыши считают историческим доказательством своих территориальных претензий.

— В 1938 году основанием для переименования Юнлатгале в Абрэне послужила ни на чем не основанная историческая версия о том, что еще в 1224 году на этой земле стояла Абрэнская латвийская крепость, —

рассказывает Николай. — А значит, Пыталовский район — это вовсе не «новая Латвия», а исторически принадлежавшие латышам земли, которые лишь в силу недоразумения столетиями находились в составе России. По версии латвийских историков, именно здесь стояла Абрэнская крепость. Правда, «абра» по-латышски означает «квашня, болото», а вовсе не холм. Но это их не смущает.

То самое место, где стояла мифическая латвийская крепость, по-русски называется Вышгород. Это самый высокий холм в районе. Никаких следов крепости на нем нет. Есть только гучи комаров и храм Бориса и Глеба. Это уже пятый храм, построенный на этом месте. Предыдущие церкви в разные

времена разрушали ливонские завоеватели. А до того, как здесь стали строить церкви, на этом холме действительно стояла крепость. Только не латвийская, а русская. Ее в 1480 году тоже сожгли немецкие рыцари. А рядом с этой крепостью находилось место пыток и казни пленников. Отсюда, собственно, и название Пыталово.

— Да, было дело, — вздыхает Цветков. — Ну и что? Подумаешь, пытали. Чай, не концлагерь. У них там знаете сколько таких пыталово было? А что тут европейские варвары творили? Одну только деревню Пустое Воскресенье 5 раз сжигали. Так что было за что пытаться.

Через Пыталово к звездам

Чуть не забыл. В Пыталове есть уникальный объект. Музей космонавтики. Точнее так: Народный музей космонавтики имени Ария Абрамовича Штернфельда. Если Латвия когда-нибудь получит Абрэнскую волость назад, лично для меня этот музей будет самой большой утратой. Кроме шуток.

Жил когда-то в Пыталове некто Коля Егоров. В 6 лет вместе с матерью угодил в немецкий концлагерь. Чудом вернулся живой. Когда подросток, стал работать учителем труда в Пыталовском интернате для

«Надо, чтобы президенты правили из космоса. Оттуда земля очень красивая и на ней нет никаких границ. А если вдруг чудить начнут, то просто не возвращать их на землю»

глухих и слабослышащих. Полет Гагарина в космос оказал на Николая Петровича неизгладимое впечатление. Он стал собирать марки и значки, посвященные теме космоса, потом организовал в интернате факультативный кружок космического моделирования. Вместе с учениками стал из сломанных глобусов, салатниц, автозапчастей и прочего хлама конструировать ракеты, космические корабли и даже станции. Появился уголок в школе, который можно было назвать «Народным музеем космонавтики». От имени сего музея Николай Петрович стал вести активную переписку с настоящими космонавтами, астрономами, добрался даже до родственников Гагарина и академика Королева. Музей стал пополняться уникальными документами, экспонатами, почетными грамотами и наградами. Понадобилось отдельное здание — и его предоставили. Сегодня в музее 13 тысяч экспонатов. Самые ценные — подлинник заявления Гагарина о приеме на учебу в Саратовский индустриальный техникум и бюст первого космонавта работы скульптора Льва Яковлева. Также подлинник. Рядом со всеми бюстами, представленными в экспозиции, стоят

ландыши, сделанные из проволоки и пенопласта. Не потому, что нет денег на живые цветы, а просто ландыши еще не расцвели, а другие растения вдова Николая Егорова Галина ставить к бюстам не хочет.

— Ландыши — это была любимая песня первого отряда космонавтов, — объясняет Галина Никитична. — Только пели они ее по-другому: «А вчера ты мне принес не букет из пышных роз, а бутылочку «Столичную». Заберем в камыши, надеремся от души — и зачем нам эти ландыши».

— А при чем тут Арий Абрамович Штернфельд? — спрашиваю.

— Это незаслужено забытый ученый, — объясняет Егорова. — Когда мой покойный муж узнал его биографию, он не раздумывая решил дать своему музею его имя. Арий Абрамович под впечатлением от поездки в СССР в 1936 году решил иммигрировать в Советский Союз из Франции. Хотя там он уже был видным ученым и мог жить безбедно. Он несколько лет проработал в нынешнем городе Королеве, а потом его заставили отсюда уйти из-за того, что он иностранец. И всю оставшуюся жизнь он у себя дома, вооруженный одним арифмометром, высчитывал траектории орбит. Его расчеты потом поразили ученых. Даже орбиту полета Гагарина он высчитал с минимальной погрешностью.

Про «мертвого осла уши» Галина Никитична даже не слышала. Когда я ей пересказал историю вопроса, она смеяться не стала.

— Все-таки прав был мой покойный муж. Надо, чтобы президенты правили из космоса. Оттуда земля очень красивая и на ней нет никаких границ. А если вдруг чудить начнут, то просто не возвращать их на землю. Во имя гуманизма и Ария Абрамовича Штернфельда.

Псковская область, Пыталово

На всякий случай **местные жители** хранят паспорта Латвийской республики 1920 — 1940 гг. с отпечатками пальцев